

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007 – № 25 (53)

ПИ № 5-0914

Серия ИСТОРИЯ

ВЫПУСК 3

Научный журнал
Издаётся с 2003 года

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Богданов С.В.* Великокняжеский титул XIV–XV веков с определением «всея Руси» (По материалам летописных памятников XIV–XV вв.)3
- Усенко О.Г.* Массовое сознание донцов XVII– начала XVIII века: «Субидеология»24
- Трефилов Е.Н.* Слухи и толки о государе в среде участников Астраханского бунта (1705–1706): сравнительный анализ воззваний и распросных речей49
- Корнаухова М.Е.* Школы Царства Польского: теория и практика. Женские школы второй половины XIX в.66

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Леонтьева Т.Г.* Власть, церковь, народ в дневниках и письмах провинциального священника: 1830–1890 гг.76
- Чернышёва Е.В.* Земское самоуправление и русская мемуаристика84
- Белова А.В.* Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы95
- Рожков А.Ю.* Анализ рефлексивного жизнеописания арестанта Георгия Синдаровского: опыт интерпретативного подхода109

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Малыгин П.Д.* Историческая география территории Тверской области: Опыт комплексного подхода **Ошибка! Закладка не определена.**

СЛУХИ И ТОЛКИ О ГОСУДАРЕ В СРЕДЕ УЧАСТНИКОВ АСТРАХАНСКОГО БУНТА (1705–1706): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗВАНИЙ И РАССПРОСНЫХ РЕЧЕЙ

*Е.Н. Трефилов**

В исторической литературе общепризнано, что реформы Петра I вызывали большое недовольство среди его подданных, особенно среди простонародья¹. При этом объектом критики были не только бояре и воеводы, но и сам монарх. Различные слухи о царе и многочисленные «непристойные речи» в его адрес – факт общеизвестный, однако это ни в коей мере не означает, что все вопросы, связанные с отношением простолюдинов к царю-реформатору, решены раз и навсегда. Главным нерешённым пока вопросом остаётся вопрос о масштабах этого недовольства.

Как правило, исследователи черпают сведения о недовольстве Петром из расспросных речей виновных в оскорблении царского величества. С одной стороны, эти источники определённо свидетельствуют, что ропот против Петра I был несопоставим с теми отдельными случаями недовольства монархом, которые имели место в XVII в.² С другой стороны, не следует забывать, что к сведениям, полученным из этих источников, нужно подходить критически. Обвиняемые зачастую подвергались страшным пыткам со стороны следователей, а потому могли не только преувеличить свою вину, но и вовсе приписать себе то, чего в действительности и не было. Но даже в том случае, когда факт произнесения «непристойных речей» не вызывает сомнения, он всё же требует от исследователя дополнительных размышлений. Так, например, некоторые обвиняемые произносили хулу на царя спяна. Вряд ли исследователь вправе отмахнуться от подобных случаев вообще, однако не следует и преувеличивать степень недовольства монархом у пьяницы, рассказавшего своему собутыльнику какой-нибудь слух о царе или даже выбранившего его матерно. Кроме того, всесторонний анализ этих источников не всегда показывает, что отношение простолюдинов к Петру I было столь однозначным, как это обычно считается. Так, О.Г. Усенко пришёл к выводу, что в течение десяти лет, предшествующих Булавинскому восстанию 1707–1709 гг., авторитет

* Трефилов Евгений Николаевич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

¹ Наибольшее количество фактического материала на этот счёт можно найти в книгах Н.Б. Голиковой «Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа» (М., 1957), и Е.В. Анисимова «Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке» (М., 1999). Подробный анализ легенд о Петре см.: *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – СПб., 2003. – С. 121–155.

² Об отношении простолюдинов к царской власти в XVII в. подробнее см.: *Усенко О.Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // *Царь и общество в русском общественном сознании.* – М., 1999. – С. 70–93; *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000.

Петра I в глазах донских казаков оставался очень высоким. Если кого казаки и видели в своих невзгодах, то не царя, а различных бояр и воевод³.

Как представляется, при изучении данной темы большую помощь могут оказать документы, вышедшие непосредственно из среды простолюдинов, точнее те из них, которые принадлежат перу участников восстаний петровского времени. Все три крупнейших восстания: стрелецкое восстание 1698 г., астраханское 1705–1706 гг., а также восстание под предводительством К. Булавина 1707–1709 гг. – оставили после себя подобные документы. Эти источники, в отличие от расспросных речей, создавались без всякого влияния властей, выражали уmonoстроения самих простолюдинов и большей частью не предназначались для глаз царя и его чиновников. Кроме того, мы знаем, что подобные документы обычно очень тщательно обсуждались повстанцами, а следовательно, в них вряд ли могли попасть единичные случаи недовольства монархом или слухи о нём, в которых сами восставшие не были полностью уверены.

Таким образом, для более глубокого понимания отношения простолюдинов к Петру следует сопоставить различные толки и слухи о царе, имевшиеся в расспросных речах повстанцев, и то, как эти слухи и толки отразились в их письменных документах.

Безусловно, такая работа должна быть проделана по отношению ко всем восстаниям Петровского времени, но, к сожалению, рамки статьи не позволяют этого сделать. Поэтому в данной работе мы остановимся на одном из них, а именно на астраханском восстании 1705–1706 гг. Наш выбор обусловлен прежде всего тем, что от этого восстания сохранилось большое количество как расспросных речей, в которых содержатся различные толки о Петре, так и различных письменных документов, принадлежащих перу восставших. Это тем более важно, что такого соотношения двух групп источников мы не встретим ни применительно к восстанию московских стрельцов, ни к булавинскому восстанию.

Прежде чем перейти к анализу поставленной проблемы, не будет лишним сделать несколько историографических замечаний. Так, в литературе, посвящённой астраханскому восстанию, общепризнано, что в той или иной мере оно было вызвано недовольством различными мерами правительства Петра I. Это как бытовые нововведения – бритьё бород и замена русского платья на немецкое, – так и увеличение различных налогов. В то же время никто из учёных не считал, что восстание было направлено напрямую против Петра I. Более того, в литературе высказывалась прямо противоположная мысль. Так, С.Ф. Платонов писал: «Бунтовщики объявили, что встали за веру, но не против Петра, а против бояр, воевод и немцев, утеснителей и веры, и народа»⁴. Примерно та же мысль была высказана и автором наиболее обстоятельной работы о восстании Н.Б. Голиковой⁵. Если принять эту точку зрения, то остаётся всё же непонятным, что делать с различными слухами и толками насчёт царя, которые имели широкое распространение среди астраханцев? Ведь и современники, и последующие историки включали распространителей подобных речей в число недовольных царём. По поводу легенды о «подменном царе» Н.Б. Голикова пишет следующее: «Не содержалось выпадов

³ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону в 1697–1707 гг. и повод восстания К.А. Булавина // Клио: Межвуз. журн. для учёных. – СПб., 1997. – № 1. – С. 154.

⁴ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – СПб., 1915. – С. 532.

⁵ Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – М., 1975. – С. 180, 222–223, 310–311.

против царя вообще и в критических высказываниях по адресу Петра I, связанных с легендой о «подменном царе», которая была лишь попыткой объяснить его непонятное народным массам поведение и политику. В конечном счёте, критика сводилась к утверждению, что Пётр I не царь, а отсюда вытекал вывод, что надо вручить власть настоящему государю. Таким образом, восставшие фактически продолжали сохранять веру в справедливость царской власти»⁶. Совершенно справедливо замечание исследовательницы, что легенда не направлена против «царя вообще», т. е. против института царской власти. Однако очевидно и другое: эта легенда носила явно антипетровский характер. Другие слухи, по мнению исследовательницы, нельзя назвать не только антицарскими, но и антипетровскими. Если радикально настроенные повстанцы, полагает историк, готовы были побить бояр, то насчёт царя каких-то определённых предложений выдвинуть они не могли. Чаще всего они высказывали предположения, что царь «неведомо жив, неведомо нет», и считали, что, «пришед к Москве», следует «проведать о том подлинно».

Кратко скажем и о том, как в историографии определялось влияние слухов о царе на восставших. В литературе, посвящённой астраханскому восстанию, слухам о царе отводилось второстепенное значение. Из этого ряда выбиваются мнения К.В. Чистова и О.Г. Усенко. К.В. Чистов полагает, что легенда о Петре оказала серьёзное влияние на идеологию повстанцев⁷. Ещё дальше пошёл О.Г. Усенко. Историк считает, что именно слух о смерти Петра явился причиной восстания⁸.

В данной работе мы попытаемся выяснить, как влияли слухи и толки на восставших и как они отразились в повстанческих документах. Нам представляется, что ответы на эти вопросы помогут лучше понять и отношение повстанцев к Петру I.

В источниках, порождённых астраханским восстанием, можно найти сведения о различных слухах, циркулировавших в среде повстанцев насчёт Петра I. Эти слухи были вызваны введением новшеств в быту: заменой русского платья на немецкое, насильственным бритьём бород. Данные нововведения воспринимались в престолярной среде как угроза христианской вере. По народным представлениям, «истинный государь» не мог допустить подобного, следовательно, с царём что-то произошло⁹.

Судя по показаниям повстанцев, наиболее распространённым был слух о смерти государя. Два человека утверждали, что слышали подобные толки ещё до бунта. Это стрелец полка Д. Галачалова С. Московитин (Москвитин)¹⁰ и стрелец московского полка Г. Чиж¹¹. Весьма вероятно, что о данном слухе знал до бунта и ещё один человек, И. Шелудяк, но о нём мы скажем ниже. Остальные (коих было

⁶ Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – С. 180.

⁷ Чистов К.В. Указ.соч. – С. 133.

⁸ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв.: В 2 ч. – Тверь, 1995. – Ч. 2. – С. 25–26, 29.

⁹ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. – М., 1957. – С. 312, 316–317. – Приложение 2; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века (далее – СД.): Сб. док. / Подгот. Н.Б. Голикова. – М., 2004. – С. 337, 340, 342, 343, 344, 349, 351, 367; История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (далее – ГСВ.) / Сост. Т.С. Майкова. – М., 2004. Вып. 1. – С. 549.

¹⁰ СД. – С. 367.

¹¹ Там же. – С. 339.

приблизительно 31 чел.)¹² слышали о смерти Петра уже во время восстания¹³. Не лишним будет заметить, что многие из восставших называли распространителем слуха стрельца полка Д. Галачалова И. Шелудяка¹⁴.

Другим слухом о царе был слух о том, что государь находится в «стекольном (в Стокгольме.– *Е. Т.*) в заточенье». Так, стрелец одного из конных полков Д. Казанец «в зачин бунта» распространял эту версию среди работных людей, поскольку слышал о ней в народе.¹⁵ Следовательно, если довериться его словам, и данный слух также имел место до начала бунта. По всей вероятности, знал об этом слухе ещё до бунта и солдат тысячного полка Д. Гладков¹⁶. Есть и другие свидетельства о подобных толках среди повстанцев, но они относятся уже к «бунтовому времени»¹⁷.

И наконец, среди восставших ходила ещё одна версия насчёт царя. Говорили, что «на Москве не прямой, подменной государь». Единственным известным нам распространителем настоящего слуха до бунта был упоминавшийся выше семнадцатилетний стрелец С. Московитин¹⁸. Как раз от Московитина об этом услышал и астраханский пушкарь А. Семисаженой, о чём и рассказал на допросе с пытки¹⁹. Однако, когда именно Московитин рассказал ему об этом, из показаний неясно.

Приверженцем версии о «подменном государе» был, судя по его словам, и однополчанин Московитина И. Шелудяк. В первый день бунта он кричал об этом на круге, поскольку слышал «...из народной молвы, будто государь не прямой, потому затеяно де чего при прежних государех не бывало»²⁰. Как видим, он также слышал о «подменном государе» ещё до бунта.

Мы помним, что многим повстанцам Шелудяк запомнился как распространитель слуха о смерти государя. Трудно объяснить это противоречие. Можно лишь выдвинуть некоторые предположения: Шелудяк, например, мог просто забыть, что именно в те дни он говорил на круге, и впоследствии различные слухи насчёт Петра I смешались у него в голове. А может быть, слушатели неправильно запомнили его слова. Правда, это маловероятно. При некотором различии, суть заявлений Шелудяка они передают одинаково.

Так или иначе, и этот слух, если довериться показаниям Шелудяка и Московитина, имел место ещё до начала бунта.

Власти придавали первостепенное значение слухам о смерти царя. В выписке, сделанной в Преображенском приказе в 1722 г. для «Истории Свейской Войны», об Астраханском бунте читаем следующее: «Бунт учинился у них за то, перед бунтом, за месяц и больши, прошла базарная молва, будто государя не стало и для

¹² К сожалению, мы не всегда можем установить точное число говоривших о подобных слухах. Так, например, из отписки Терского воеводы Д. Молоствова от января 1706 г., адресованной Петру I, узнаём, что о смерти государя говорили «...воры изменники выписного московского полку стрелцы Тимофей Сопега с товарищи» (СД. – С. 60). Однако, точное число этих «товарищей» установить не удаётся.

¹³ СД. – С. 60, 260, 263, 331, 332, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 348, 349, 350, 351.

¹⁴ Об этом говорили 11 чел., причём по одним данным 8, а по другим 9 слышали эти разговоры от него в первый день бунта: СД. – С. 336, 338, 339, 341, 342, 344.

¹⁵ Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 317. – Приложение 2.

¹⁶ СД. – С. 337.

¹⁷ Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 316. – Приложение 2.; СД. – С. 340, 356.

¹⁸ Московитин услышал об этом задолго до бунта. Подробнее см.: СД. – С. 366–370.

¹⁹ СД. – С. 366.

²⁰ Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 316–317. – Приложение 2.

того де воевода Тимофей Ржевский и начальные люди стали делать неподобно: веру христианскую, покинули и делают по бусурманские, сами у себя бороды и усы бреют и в немецком платье ходят, да и их де, астраханских жителей, тож делать заставляють»²¹.

Из этой записи можно заключить, что «базарная молва» явилась как бы решающим толчком к восстанию. На чём было основано такое мнение? Перед выше цитированным отрывком говорится следующее: «А в Москве, в Преображенском, они ж, бунтовщики, сперва не пытаны, а потом с первой пытки, да перед бояры с двух пыток и с огня, в распросех и меж собою по спором с очных ставок порознь винулись и говорили...»²².

Трудно сказать, имелись ли у составителей выписки из каких-то неизвестных нам документов, в которых говорилось о широком распространении слуха о смерти государя до бунта, или же, основываясь на показаниях «пущих заводчиков», авторы выписки соединили все слухи в один антипетровский слух²³, или у них были какие-то иные причины. Так или иначе, но молва о смерти государя и другие слухи о царе действительно могли быть более распространены ещё до начала восстания, чем это следует из вышеизложенного.

Во-первых, все, слышавшие до бунта различные слухи о Петре, говорили, что узнали об этом «из народной молвы». Вряд ли это была неправда, поскольку, как общеизвестно, различные толки о Петре имели широкое распространение среди простонародья, а перед бунтом могли приобрести особую остроту. Во-вторых, у нас имеются сведения о том, что некоторых повстанцев спрашивали, почему они не донесли о «непристойных словах» о государе. Разумеется, об этом спросили Г. Чижа, который слышал подобные разговоры до бунта²⁴. Спрашивали об этом

²¹ Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 312. Это было повторено примерно в тех же словах в «Истории Свейской Войны» (ГСВ. – Вып. 1. – С. 549). Именно на этой версии и основано вышеприведённое соображение О.Г. Усенко о том, что слух о смерти государя стал причиной восстания в Астрахани.

²² Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 312. – Приложение 2.

²³ Если именно эта версия верна, то понятно, почему Пётр I и его окружение так настаивали на том, что не участвовавший в стрелецко-солдатском заговоре, предшествовавшем бунту, С. Московитин, является «пущим заводчиком», так как, согласно выписке 1722 г. из Преображенского приказа о С. Московитине, сделанной для «Истории свейской войны», единственной виной стрельца является разглашение слухов о «подменном царе»: «Да по тому ж делу, – читаем в выписке, – пущим же к бунту заводчиком явился... стрелец Стенка Московитин потому...» и далее рассказывается извет А. Семисаженого в произнесении Московитиным «непристойных слов» о царе (СД. – С. 366). Подчеркнём, что согласно выписке, это была единственная вина стрельца. Хотя С. Московитин сначала обвинил своего дядю, И. Сугоняя, в том, что тот дал Московитину «воровское письмо», которое последний подбросил в Астрахани, однако затем Московитин отказался от этих слов (СД. – С. 369). Следователи поверили именно последнему признанию стрельца, о чём красноречиво свидетельствует тот факт, что Сугоняя не числится среди наказанных по делу Московитина. Обвинение в том, что Московитин подбросил в Астрахани письмо, сохранилось только в «экстракте об астраханском бунте», который был должен войти в «Историю свейской войны» (ГСВ. – Вып. 1. – С. 549). Это было сделано для большей убедительности в том, что именно Московитин является пущим заводчиком, так как, по идеологическим причинам, в этом документе были опущены обвинения в адрес стрельца в произнесении им слов о «не прямом государе». Таким образом, логика следователей могла быть следующей: И. Шелудяк главный распространитель слухов о смерти царя, признался, что кричал в народ об этом потому, что слышал разговоры о «подменном царе». Будучи однополчанином Московитина, от кого он это мог слышать? Разумеется, от него. А если вспомнить, что, согласно правительственной версии, именно слух о смерти царя стал главным толчком к восстанию, то всё становится совершенно ясно.

²⁴ СД. – С. 339.

почему-то и В. Мантурова, который услышал о государе «после бунту спустя с неделю»²⁵. Следовательно, люди, говоря о том, что слышали подобные разговоры во время бунта, могли делать это для того, чтобы избежать лишних вопросов и лишних страданий на следствии, т. е. «непристойные слова» слышали «в бунтовое время» и доносить, стало быть, было некому²⁶.

Итак, если даже отвергнуть решающее значение слухов в возникновении восстания и их широкое распространение до его начала, то нельзя не признать того факта, что подобные толки повлияли на действия и умонастроения астраханцев во время самого бунта. Так, одной из целей походов на Царицын было узнать о судьбе царя²⁷. Причём решение об этом повстанцы приняли в первый же день возмущения²⁸. При этом конечной целью восстания, по словам некоторых астраханцев, было взять Москву и узнать прямой ли «на Москве» царь или нет²⁹.

Учитывая влияние слухов о царе на восставших, логично было бы предположить, что подобные толки получили широкое отражение как в воззваниях астраханцев³⁰, так и в других повстанческих документах³¹. Однако прямых упоминаний на этот счёт ни в беловиках, ни в черновиках дошедших до нас документов, не содержится. Следовательно, для начала, используя различные источники, попытаемся выяснить, содержались ли какие-нибудь слухи о Петре в несохранившихся письменных документах астраханцев. А также попробуем разобраться в том, как эти слухи в опосредованном виде отразились в сохранившихся документах.

Основываясь на показаниях повстанцев и отписках посланного под Царицын в августе 1705 г. атамана походного войска И. Дериглаза, Н.Б. Голикова приходит к выводу, что в недошедшем до нас наказе от Астраханского правительства, Дериглазу предлагалось вступить с жителями Царицына в переговоры, чтобы узнать о судьбе царя³². Но из источников, на которые ссылается исследовательница³³, а также из других документов однозначный вывод на этот счёт сделать невозможно.

²⁵ СД. – С. 339.

²⁶ Следует добавить, что в источниках имеются показания людей (20 чел.), которые, видимо, хотели себя обезопасить настолько, что вообще отрицали, будто слышали о смерти Петра (СД. – С. 342, 343, 344, 345, 346). Это совершенно невероятно, поскольку многие из них ходили в круги и присоединились к бунту в первый день, а, следовательно, не могли не слышать того, что, например, кричал в кругах И. Шелудяк. Красноречивым примером подобного поведения являются показания А Семисаженного. На одном допросе он говорил, что никаких слов о царе не слышал (Там же. – С. 345), а затем, как мы помним, поведал о «непристойных словах» Московитина в адрес Петра.

²⁷ СД. – С. 331, 332, 340, 350.

²⁸ Там же. – С. 350.

²⁹ Голикова Н.Б. Политические процессы... – С. 316, 317. – Приложение 2.; СД. – С. 356, 368. См. также: СД. – С. 328, 365.

³⁰ В нашем распоряжении имеется беловик письма астраханцев на дон (СД. – С. 123–129), а также белой вариант «Советного письма» (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 371: Преображенский приказ. – Оп. 2. – Д. 1146. – Л. 1–8). Хотя этот документ не является воззванием в прямом смысле слова (он был создан в дополнение к присяге, данной восставшими, и предназначался, так сказать, для внутреннего пользования), однако он весьма близок к ним по содержанию. Дошли до нас и 5 черновики воззваний, а именно: Донским казакам в Паншинскую станицу, Гребенским казакам, два черновика на Черный яр, а также донским и Яицким казакам (РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1144. – Л. 231–233, 245–247, 248, 280–281).

³¹ В общей сложности – 148 различных документов. Это указы астраханского правительства, документы созданные астраханским кругом, отписки повстанцев из присоединившихся к восстанию городов (СД. – С. 129–256).

³² Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – С. 181.

³³ СД. – С. 146, 356 (см также с. 319).

Сразу оговоримся, что нет причин сомневаться в том, что Дериглаз действительно получил подобный приказ. Однако из имеющихся у нас источников трудно заключить, что это указание давалось в письменном виде. Так, гребенский казак К. Бердин, оказавшийся в первый день бунта в Астрахани, на допросе в Преображенском приказе вспоминал, что повстанцы решили «под Царицын учинить посылку для того, что всем ж войском говорили, что будто государя на Москве в живые нет, и чтоб про него, государя, под Царицыном проведать...»³⁴. Примерно в том же духе говорили прибывшему в Астрахань терскому стрельцу А. Хохлачу предводители восставших Я. Носов и Г. Ганчиков³⁵. Ничего не говорят о письменном наказе и участники первого похода под Царицын³⁶, а также подьячий П. Рычков, который пересказывал содержание этого письма на допросе³⁷.

Как представляется, в выяснении данного вопроса может помочь следующее обстоятельство. Атаманом второго отряда, посланного в сентябре 1705 г. под Царицын после возвращения в Астрахань войска Дериглаза, был назначен А. Хохлач. Он также получил указания от предводителей восставших. Поскольку сохранились как расспросные речи Хохлача, так и письменный наказ ему правительства астраханцев, то мы можем сравнить, какие указания Хохлач получил в устном, а какие в письменном виде. По его словам «...дали ему другой наказ, который был у Дериглаза, и велели говорить о пропуске хлебных запасов и проведать про государя, жив ли он, и спросить про то ж донских казаков...» Кроме того, атаман должен был призывать донских казаков присоединиться к восстанию³⁸.

В письменном наказе от 24 сентября 1705 г. действительно говорилось «о пропуске хлебных запасов», но ничего не было сказано о призыве донских казаков к восстанию и напрямую ничего не говорилось о Петре. В этом документе сохранились предписания старшины идти к Царицыну и Саратову «для всяких ведомостей», и сообщать о различных «вестях»³⁹. При желании, конечно, можно трактовать эти предписания как «ведомости» и «вести» о Петре, однако, сопоставив показания Хохлача и письменный наказ, мы можем сказать, что напрямую приказание узнать о царе было дано только устно⁴⁰.

Тут следует задаться вопросом: а не был ли наказ Хохлачу точным повторением наказа, данного Дериглазу? Мы помним, что Хохлач говорил: «Дали ему другой наказ, который был у Дериглаза». Если в словах Хохлача может смущать некоторая путаница понятием («как у Дериглаза» и в то же время «другой»), то показания подьячего П. Рычкова вроде бы не оставляют никаких сомнений на этот счёт. Он говорил, что Хохлач был послан под Царицын «...с прежним ж писмом, которое было у атамана ж Ивана Дериглаза...»⁴¹. Но тут возникает некоторая нестыковка:

³⁴ СД. – С. 350.

³⁵ Там же. – С. 340.

³⁶ Там же. – С. 328, 331, 356, см. также с. 347.

³⁷ Там же. – С. 319.

³⁸ Там же. – С. 319.

³⁹ Там же. – С. 132.

⁴⁰ Хохлач успешно выполнил свою миссию, проведая о судьбе Петра I под Царицыном у донских казаков. Они сообщили ему, «...что он, государь, многолетствует...» (СД. – С. 340).

⁴¹ СД. – С. 320.

этот наказ датирован 24 сентября, а Дериглаз получил свой наказ в августе. И не понятно, для чего восставшие заново датировали текст старого наказа.

Если даже наказ Хохлачу не был повторением наказа Дериглазу, то всё равно, видимо, дело обстояло примерно так же. На эту мысль наводят некоторые сохранившиеся источники. Так, в отписке И. Дериглаза астраханским старшинам (не ранее 27 августа 1705 г.) читаем: «...послали вы нас из Астрахани вверх Волгою-рекою до Черного Яру и до Царицына, и до Камышенки, и до Саратова, и до иных городов, куды путь надлежит и, посоветовав с служилыми и всяких чинов людьми, за веру христианскую стоять». Дальнейший текст отписки также не позволяет заключить, что в наказе речь шла о судьбе царя⁴².

Подтверждаются наши соображения и другим источником. Это письмо И. Дериглазу от царицынского воеводы А. Турчанинова. Оно было приложено к той же отписке. Из него мы узнаем, о чём писал походный атаман жителям Царицына и воеводе. Прежде всего, Дериглаз призывал своих адресатов присоединиться к восстанию. На этот призыв воевода ответил отрицательно: «...с кем вы думали в Астрахани, там себе и делайте». Отказался Турчанинов и постоять за веру, язвительно отвечая Дериглазу, что «...мы, божиею милостию, в городе Царицыне все христиания и никакова росколю не имеем, и кумирским богом не поклоняемся»⁴³.

Из вышеприведенных отрывков и из письма в целом можно заключить, что вопрос о Петре I никак не затрагивался в посланиях Дериглаза в Царицын. В то же время, судя по посланию Турчанинова, Дериглаз неукоснительно исполнял предписание астраханского правительства призывать людей различных чинов постоять за веру. Трудно представить, что одни предписания были отражены в его отписках и письмах, а другие прошли как бы незамеченными⁴⁴.

Видимо, отсутствие прямых указаний насчет царя и обусловило тот факт, что Дериглаз так и не проведал о судьбе Петра. В противном случае незачем было бы давать точно такое же задание предводителю второго похода под Царицын, А. Хохлачу⁴⁵.

Большой интерес для исследователя астраханского восстания представляют воззвания повстанцев.⁴⁶ Воззвания были посланы населению территорий, которые были подчинены Астрахани: на Черный и Красный Яр, в Гурьев городок на Яике, на Терек и гребенским казакам. Кроме того, астраханцы искали союза с донскими и яйцкими казаками, для чего к ним также послали «воровские письма». В воззва-

⁴² СД. – С. 146-147.

⁴³ Там же. – С. 147. См. также с. 328. На допросе в Преображенском приказе М. Скорняков объяснял, что «...кумирами де они, бунтовщики, называют столярные работы личины деревянные, на которых у иноземцов и у русских начальных людей кладутца накладные волосы ради бережения, чтоб не заминались» (СД. – С. 21).

⁴⁴ Можно, конечно, предположить, что Дериглаз не хотел делиться сомнениями на счёт государя с царицынским воеводой, который как и любой воевода, не мог внушать доверие восставшим. Но, как представляется, дело обстояло несколько иначе. С большой долей уверенности мы можем говорить, что на первых порах Дериглаз и его товарищи могли надеяться на Царицынского воеводу как на союзника, поскольку получили сведения от тамошних отставных стрельцов, что Турчанинов приказал «...чтоб немецкого платья не носить и бород и усов не брить» (СД. – С. 143). Вот почему Дериглаз посчитал возможным призывать постоять за веру Турчанинова.

⁴⁵ СД. – С. 340.

⁴⁶ Подробнее об этих документах см.: Голикова Н.Б. История составления обращений участников Астраханского восстания 1705–1706 гг. // История СССР. – 1971. – № 6. – С. 158–169.

ниях, а также в советном письме астраханцы примерно в одних и тех же словах объясняли причины восстания: «...у нас в Астрахани учинилось за веру христианскую и за брадобритие, и за немецкое платье, и за табак, и что к церквам Божиим нас и наших жен, и детей в русском старом платье не пуцали, а которые в церковь Божию войдут, и у тех, у нашего мужского и женского полу, платья обрезывали и от церквей Божиих отлучали, и выбивали вон, и всякое ругательство нам и женам нашим, и детям чинили, и болваном, кумирским богом, велели поклоняцца». И далее шли различные обвинения в адрес убитого повстанцами астраханского воеводы Т. Ржевского⁴⁷. Но все эти бедствия никак не связывались с какими-то злоключениями Петра I⁴⁸. Используя показания различных свидетелей, попробуем разобраться, было ли что-то на этот счёт в недошедших до нас воззваниях.

Наибольшее количество свидетельств сохранилось о недошедшем беловом варианте письма астраханцев на Терки. Судя по показаниям и сторонников, и противников восстания, никаких сведений о слухах насчёт Петра I и в этом документе не содержалось⁴⁹. Так, например, писарь М. Страхов, один из «пущих заводчиков» бунта на Терках, читавший письмо астраханцев в кругу, вспоминал, что в послании говорилось: «Стали де они в Астрахани за веру, за брадобритие и за усы, терзание и за немецкое платье...». И далее в письме перечисляются все те причины восстания, которые известны по другим воззваниям астраханцев⁵⁰. Ничего не упоминает на этот счёт и подьячий Астраханской приказной палаты П. Рычков, который по приказанию старшин и круга писал «воровские письма», в том числе и на Терки⁵¹. И наконец, в нашем распоряжении имеется свидетельство Терского воеводы Д. Молоствовова. На допросе в Преображенском приказе 15 Сентября 1706 г. о содержании астраханских писем он вспоминал точно так же, как и другие свидетели. Ему запомнилось, что там было написано «...о брадобритии и о немецком платье, и о пременени веры, и об ыном воровстве, а о чем, того подлинно не упомянуть»⁵². Невероятно, чтобы за словами «иное воровство» скрывались какие-то «непристойные речи» о государе. Молостлов обязательно о них бы упомянул, поскольку по тем временам это было серьёзнейшее преступление против царского величества и Молостлов обязательно донёс бы о подобных сведениях, если бы они имелись в письме. Более того, он всячески пытался очернить своих врагов в глазах

⁴⁷ СД. – С. 124–125; РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1144. – Л. 231–233, 245–247, 248, 280–281; Д. 1146. – Л. 3–8.

⁴⁸ Сразу оговоримся, что нельзя считать косвенными свидетельствами об этом обвинении восставших в адрес Т. Ржевского и других «начальных людей» в том, что они «...хлебное жалованье без указа отняли и давать не велели» (СД. – С. 124; РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1144. – Л. 232, 246, 281). Или обвинения Ржевского в том, что он, судя по одним документам хотел, а судя по другим отобрал ружьё у служилых людей: «...собою без указа великого государя и без грамоты...» (СД. – С. 124; РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1144. – Л. 232, 246; Д. 1146. – Л. 7. см. также Л. 4–5). Нельзя это трактовать в том духе, что, мол, с государем что-то случилось и воевода «без его указа» отнимает хлеб и ружьё. Простолюдины всегда обвиняли либо воевод, либо бояр в том, что они творят зло в обход государя. Такое же явление мы можем наблюдать и в челобитных, посланных Петру I зимой 1706 г. (СД. – С. 371, 372). Челобитные писались, когда ни у кого не осталось сомнений насчёт царя.

⁴⁹ Имеется также показание одного из участников восстания, из которого трудно заключить в каком виде (устном или письменном) были переданы эти сведения. Это связано с тем, что документ плохо сохранился (СД. – С. 349).

⁵⁰ СД. – С. 263.

⁵¹ Там же. – С. 318.

⁵² Там же. – С. 293–294.

царя⁵³, а, следовательно, непременно воспользовался бы ещё одной возможностью для этого.

Об остальных недошедших воззваниях не сохранилось почти никаких сведений. Но у нас нет оснований утверждать об имевшихся в этих источниках упоминаниях о слухах насчёт Петра. Кроме того, все известные нам воззвания и другие документы выдвигают стереотипные, говоря современным языком, лозунги. Поэтому, вряд ли эти «лозунги» претерпели какое-то изменение в неизвестных нам воззваниях.

Слух о смерти царя (который был самым распространённым) передавался союзникам только в устном виде. Подробнее об этом мы скажем ниже. А пока лишь отметим, что на Дон слухи насчёт государя не были переданы даже на словах. Об этом обязательно сообщили бы донские казаки, которые отказались поддержать астраханцев и привезли их посланцев в Москву. Из отписки донского атамана Л. Максимова в Посольский приказ (первая половина Сентября 1705 г.) мы узнаём: единственное, что удалось проведать казакам о планах астраханцев – это то, что астраханцы «...хотят...итить по твоим, великого государя, городам и до Москвы»⁵⁴.

В связи со всем вышесказанным следует задаться вопросом: а пытался ли кто-либо из астраханцев внести опасения насчёт царя в повстанческие воззвания? К сожалению, у нас слишком мало сведений о том, как создавались эти воззвания и прочие документы. Об этом говорят только показания упоминавшегося уже Астраханского подьячего П. Рычкова (не ранее 15 ноября 1706 г.) «Да те ж старшины, – вспоминал он, – и всем кругом дни по четыре их, подьячих, всех вопче заставляли писать и в кругу прочитывать воровские писма на Дон, на Яик и к гребенским казакам на Терек, к терским, московским и на Черной и на Красной Яр, и в яицкой Гурьев городок к стрельцам... Сперва те писма писали они начерно и по словам тех старшин и всего кругу приписывали всякие прибавочные речи меж строк и, поставя на мере, переписали в розные руки набело». Причины восстания, изложенные в этих письмах, согласно Рычкову, все те же самые: введение немецкого платья, бритьё бород, злоупотребления Ржевского и пр.⁵⁵

В этих показаниях интересно следующее. Во-первых, воззвания сочинялись очень тщательно и в течение нескольких дней, а во-вторых, их составляли не только астраханские старшины, но и другие участники круга. Н.Б. Голикова, основываясь на этих показаниях, предположила, что в астраханских воззваниях «прослеживается влияние живых и доступных речей Шелудяка, которые оказали воздействие не только на содержание, но и на литературную форму писем, близкую к напевному стилю его речей»⁵⁶. Если это так, то почему в воззваниях никак не отразились речи Шелудяка о государе?

Можно предположить, что в опосредованном виде его речи повлияли на воззвания следующим образом: имевшаяся в первом черновике письма на Чёрный Яр от 31 июля 1705 г. формула «по указу государя царя и великого князя Петра Алек-

⁵³ Так, например, воевода обвинял повстанцев в связях с крымским ханом (СД. – С. 60). И в том, что восставшие намереваются «...ево, Дмитрея, убить и тело ево, розделя, хотели съестъ» (СД. – С. 258, 299).

⁵⁴ СД. – С. 15.

⁵⁵ Там же. – С. 318.

⁵⁶ Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – С. 110.

сеевича»⁵⁷ из второго черновика, а также из других воззваний, была исключена⁵⁸. То есть, если неизвестно, что с государем, то было бы благоразумно исключить его имя из воззваний. Правда, «Советное письмо», документ, составленный в дополнение данной восставшими присяге, в первые дни следующего месяца заканчивается так: «у сего нашего вышеписанных чинов людей... государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца печать приложена»⁵⁹. Интересно заметить, что наказ астраханского правительства А. Хохлачу (который, как мы помним, должен был проведать о судьбе царя) начинается так же как и первый черновик на Чёрный Яр, т. е. «по указу государя царя и великого князя Петра Алексеевича...»⁶⁰

На наш взгляд, Н.Б. Голикова убедительно доказала, что выпады стрельцов в адрес торговых людей имевшиеся в послании донским казакам⁶¹, и в некоторых черновиках⁶², были изъяты из «Советного письма» по настоянию богатых посадских людей⁶³. Не случилось ли и здесь нечто подобное? Возможно, Шелудяк и другие стрельцы сначала настояли на изъятии имени Петра из воззваний, а затем богатые посадские люди или какие-то другие не столь радикально настроенные повстанцы вернули имя монарха в документы. Подчеркну, что это лишь предположение, которое требует тщательной проверки.

Итак, у нас нет никаких оснований утверждать, что слухи о Петре, по крайней мере, напрямую, отразились в недошедших до нас документах, исходивших непосредственно из Астрахани. И даже если допустить, что все высказанные выше догадки верны, влияние слухов хотя бы в опосредованном виде на сохранившиеся документы астраханцев, крайне ничтожно.

Правда, слух о смерти государя всё-таки отразился в письменном документе. Но произошло это вне города Астрахани, и всего лишь однажды. Сразу оговоримся, что речь идёт о недошедшем документе, о котором мы знаем только из распросных речей.

Дело происходило на Терках. Слух о смерти Петра был передан терчанам устно, уже после того как М. Страхов зачитал воззвание астраханцев. «Да в то же время, – рассказывал Страхов, – в том же кругу их же терские старшины Степан Тимофеев, Семен Курочкин говорили: сказывал де им, старшинам, вышеписанной астраханец Иван Емельянов (он с товарищами привез на Терки письмо Астраханцев. – *Е. Т.*), что великого государя в живые нет...»⁶⁴ Интересно отметить, что астраханцы передали известие о Петре терским старшинам, которые уже потом сообщили эту новость всем остальным. Кстати не лишним будет заметить, что, судя по показаниям Страхова, астраханские посланцы находились на том же кругу, но весть о государе передали не они⁶⁵.

⁵⁷ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1144. – Л. 248.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. – Д. 1146. – Л. 8.

⁶⁰ СД. – С. 131.

⁶¹ Там же. – С. 124.

⁶² РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1144. Л. 232, 246.

⁶³ Голикова Н.Б. История составления ... – С. 163.

⁶⁴ СД. – С. 263.

⁶⁵ Там же. Изустно этот слух был передан и Гребенским казакам: см. об этом показания гребенского казака К. Бердина (СД. – С. 351).

И далее Страхов рассказывает об интересующем нас документе. Это черновик отписки терчан «против вышеписанного астраханского письма». Она была, по словам Страхова, написана им на следующее утро по приказанию тамошних старшин. Между прочим в отписке говорилось: «Писали они, астраханские старшины, к ним на Терек, что стали они в Астрахани за веру христианскую и за великого государя, и за бранобритие и усы, терзание и за немецкое платье, и за всякие тягости...» Далее в «чёрной отписке» говорилось, что за всё это терчане готовы «постоять» вместе с астраханцами⁶⁶. Судя по словам того же Страхова, в письме астраханцев ничего не было о государе, следовательно, в умах терчан смешались устные сведения и письменные.

В этой отписке для нас интересно, что терчане восприняли слухи о царе, как призыв «постоять за государя». Дело в том, что это довольно обычная реакция участников восстаний XVII–XVIII вв. в том случае, если, по их мнению, монарху что-то угрожает. Так, например, поступал С. Разин и его атаманы⁶⁷, поскольку, видимо, были уверены, что смерть близких Алексея Михайловича – это дело рук бояр, а следовательно, и самому царю может также грозить опасность⁶⁸. Призывал постоять за великого государя и один из булавинских атаманов Л. Хохлач⁶⁹, который, по словам «шпиона» А. Полухина, был уверен в смерти Петра I и царевича Алексея и в том, что «владеют де государством бояре да прибыльщики и немцы»⁷⁰. В последнем случае речь идёт о защите института царской власти вообще.

Таким же образом отреагировал, т. е. согласился «постоять за государя», и А. Хохлач, когда услышал от астраханских старшин о неизвестности насчет судьбы Петра⁷¹. Не лишним будет сказать, что Хохлач привез с Терок вышеупомянутую отписку тамошних повстанцев. Правда, это был её беловой вариант⁷².

Но можем ли мы доверять словам Страхова о содержании отписки, тем более что ни черновой её вариант, ни беловой до нас не дошли, а сохранившиеся письма терчан не содержат даже малейшего намека на это?⁷³ И всё же, думается, нет оснований не доверять Страхову.

По его собственным словам, он был всего лишь писарем, который выполнял приказания терских старшин. Но у нас имеются данные, что Страхов и сам был «пущим заводчиком» возмущения на Терках⁷⁴. И в таком случае он мог лично участвовать в составлении этой отписки. Так или иначе, но он должен был запом-

⁶⁶ СД. – С. 263–264.

⁶⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина / Сб. документов. – М., 1957. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 65, 91, 252; М., 1959. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 74–75.

⁶⁸ Подробнее об отношении разинцев и Разина к Алексею Михайловичу см.: Усенко О.Г. Психология социального протеста. – Ч. 2. – С. 24, см. также с. 27; *Он же*. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу. – С. 70–93.

⁶⁹ Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. – М., 1935. – Т. 12: Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 230.

⁷⁰ Там же. – С. 203. Подробнее об отношении булавинцев к Петру I см. Усенко О.Г. Психология социального протеста. – Ч. 2. – С. 13–15, 26; *Он же*. Политические настроения на Дону... – С. 149–158.

⁷¹ СД. – С. 340.

⁷² Там же. – С. 264.

⁷³ Там же. – С. 184, 185–186 и др. Правда, тут нужно оговориться, что терские отписки исходили от тамошнего старшины В. Авдеева, который был противником восстания. Вследствие этого он весьма негативно относился к радикально настроенным стрельцам, из чьей среды и вышел интересующий нас документ, см., например: СД. – С. 185–186.

⁷⁴ СД. – С. 258, 260, 261, 265, 294, 295, 296, 298.

нить её содержание. На эту мысль наводит следующее. Думается, у нас нет причин сомневаться, что письмо астраханцев на Терки было аналогично другим их посланиям. Если это так, то письмо астраханцев передаётся Страховым близко к тексту. В таком случае вряд ли он мог забыть содержание и интересующей нас отписки.

Итак, следует задаться вопросом, почему различные слухи о государе почти никак не отразились в документах, вышедших непосредственно из Астрахани и всё же получили некоторое отражение в недошедшем письме терчан?

Исследователи справедливо отмечают огромное влияние, которое слухи оказывали на поведение людей прошлого, особенно простонародья. При этом необходимо учитывать следующий момент. Иногда то, что является слухом для современного человека, людьми прошлого воспринималось как несомненная правда. А иногда слух всё же оставался слухом, т. е. требовал проверки.

Примером первого рода могут служить легенды о далеких землях. Так, уверенность многих крестьян в существовании, например, «беловодья», заставляла десятки, а то и сотни людей сниматься с насиженных мест в поисках счастья⁷⁵. Примером другого рода могут служить слухи о смерти Петра I, ходившие на Дону в 1698 г. Слух очень будоражил казаков, но тем не менее они не были полностью уверены в его истинности, а потому и откладывали свое выступление⁷⁶.

Как представляется, в Астраханском восстании имели место оба этих момента. С большой долей вероятности можно говорить, что в самой Астрахани не были твёрдо уверены в различных слухах насчет Петра.

Так, если обратиться к показаниям С. Московитина и И. Шелудяка, т. е. разгласителей слухов о царе, то мы увидим, что даже для них не всё было так однозначно. С одной стороны, С. Московитин «ево, государя, убить мыслил» за то, что «московских четырех полков стрельцов в Москве переказнил и казнены ево, Стенькины, дядья 2 человека»⁷⁷. С другой стороны, стрелец говорил, что, придя в Москву, он и другие повстанцы собирались «...сыскать государя и бить челом, чтоб старой вере быть по-прежнему, а немецкого бы платья не носить и бороды бы и усов не брить». И только в том случае если бы царь во всём этом отказал, его следовало убить, поскольку подтверждался слух, что он «не прямой»⁷⁸.

Согласно показаниям другого разгласителя И. Шелудяка, повстанцы собирались, дойдя до Москвы, «спрашивать про государя бояр, и буде бы бояря на разговор с ними не пошли, и их побить»⁷⁹. Следовательно, и у «радикалов» не было полной уверенности ни в том, что государь «не прямой», ни в том, что он умер.

Не было твёрдой уверенности в этом как у рядовых участников восстания, так и у его руководителей. Так, участники похода под Царицын говорили, что собирались идти в Москву «...и по дороге имать города, а противников побивать до смерти для того, в Астрахани была молва, государь в Стекольном закладен в столбе и на Москве управляют бояря Бутурлин да Головин, и пришед к Москве, проведать было о том подлинно»⁸⁰.

⁷⁵ Подробнее о легендах о далеких землях, в частности, о Беловодье, см.: *Чистов К.В.* Указ. соч. – С. 276–384, 385–397, 427–447, 448–456.

⁷⁶ *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... – С. 150.

⁷⁷ СД. – С. 368.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Голикова Н.Б.* Политические процессы... – Приложение 2. – С. 317.

⁸⁰ СД. – С. 356.

Мы не раз ссылались на разговор терского стрельца А. Хохлача с астраханскими старшинами. Приведём ту его часть, которая относится к теме слухов о царе: «И как де они в Астрахань и явились в круг атаману Якову Носову с товарищи, и Яков Носов, да старшина Гаврила Ганчиков с товарищи в кругу ему, Андрею, и товарищем ево терчаном говорили, чтоб они с ними постояли за веру. Вот де ныне велят им бороны и усы брить и немецкое платье носить, и почали быть налоги большие и от церквей отбивают, на женах наших и на детях платье русское обрезают, а государь де в живых ли или нет, того не ведают, а иные де говорят, будто он, государь, в Стекольном в заточенье, мы де послали до Царицына проведать, жив ли он, государь...»⁸¹.

Неопределённость слухов (то ли государь умер, то ли он в «стекольном») также могла вносить сумятицу в умы повстанцев.

Между тем из этого разговора видно, что астраханские старшины не упоминают слух о «подменном государе». Вообще, если судить по показаниям восставших это был наименее распространённый слух в Астрахани. Кроме того, из сведений, приведённых в этой работе, видно, что именно слухи о смерти царя или о его заточении в «стекольном», а не толки о «подменном государе» были одной из причин похода под Царицын, чтобы проведать о судьбе Петра. Видимо, не все слушатели С. Московитина, разгласителя этого слуха, слепо верили ему. Стрелец вспоминал, что они интересовались, «почему он про то знает». На что С. Московитин отвечал, «что он слышал о том на Москве от неложного человека»⁸². Также некоторые слушатели стрельца «...к тем ево словам притакивали, збудетца де так, а иные ево унимали, чтоб он тех слов говорить перестал»⁸³.

Думается, что наименьшая распространённость этого слуха по сравнению с двумя другими связана с очень важным психологическим моментом. Когда царь является последней надеждой в справедливом разрешении всех конфликтов простолудинов с их врагами, то слух о «подменном государе» оказался бы страшным ударом по всем народным чаяниям. Если из «стекольного» царя можно освободить, если взамен умершего государя на престол может взойти царевич Алексей, то «подменный государь» в силу своей нечестивой природы не будет стоять за православных христиан.

Но не было твёрдой уверенности у повстанцев и в других слухах насчет Петра. В противном случае, зачем было посылать под Царицын проведать о государе?

Как представляется, именно эта неуверенность и не позволила астраханскому кругу и старшинам включать в воззвания и в другие документы упоминания о слухах насчет царя. Нельзя было, например, ради пропагандистских целей в письмах открыто говорить об этом. А вдруг письма попадут к врагам, а государь окажется жив и здоров? Тогда врагам будет легко очернить повстанцев в глазах царя⁸⁴. Нельзя было и призывать своих союзников «постоять за государя», поскольку если государю в действительности ничего не угрожает, то в глазах союзников

⁸¹ СД. – С. 339–340.

⁸² Там же. – С. 367.

⁸³ Там же. – С. 368.

⁸⁴ Письма на Дон, действительно, попали сначала в Посольский, а потом в Преображенский приказ (СД. – С. 19–20). Как мы помним и письмо на терки попало в руки Д. Молостова, а затем было направлено им в Москву (СД. – С. 43).

они могут оказаться лжецами. Те, в свою очередь, отвернутся от них. Видимо, именно поэтому слухи о Петре I не были переданы на Дон даже устно⁸⁵.

Итак, это были очень тревожные, будоражащие слухи, но всё-таки слухи. В частности, именно по этой причине старшины не исключили имя правящего монарха из своих документов.

По-другому, чем в Астрахани, обстояло дело на Терках. Источники свидетельствуют, что часть радикально настроенных московских стрельцов была твёрдо уверена в смерти государя.

Согласно показаниям атамана С. Тимофеева, восставшие пришли на двор к воеводе и кричали о смерти Петра I, на что воевода им говорил: «... естли б государя в живе не было, и о том бы де ему, воеводе, ведомость была б преж их...»⁸⁶. В январе 1706 г. уже сам терский воевода сообщал в Москву, что «с пыток и при смерти» московские стрельцы «Тимофей Сопега с товарищи» выразили уверенность в смерти Петра⁸⁷.

Из вышеприведённых сведений видно, что в данном слухе повстанцы были уверены твёрдо. Они кричали об этом в присутствии врага, а также некоторые из них даже во время пыток продолжали утверждать, что Пётр умер. Видимо, именно с этим было связано то, что радикально настроенные стрельцы решили «постоять за государя».

В октябре 1705 г. в Астрахань пришла грамота приказа Казанского дворца (это была весьма милостивая грамота)⁸⁸. Затем была написана и другая грамота под непосредственным участием Петра⁸⁹. Эти грамоты и ещё одна, не дошедшая до нас⁹⁰, рассеяли все сомнения насчёт царя. Кроме того, источники свидетельствуют, что повстанцы выражали всяческое почтение как к царской грамоте, так и к самому монарху (в промежутке от второй декады октября и примерно до конца февраля)⁹¹. Единственный случай непочтения к царской особе мог иметь место в начале января 1706 г.⁹² Один стрелец обвинялся в том, что он хотел «государеву персону» (т. е. портрет государя) изодрать и бросить под порог. Мы не будем останавливаться на этом случае, поскольку из дела совершенно непонятно, произносились эти слова в действительности или нет. Кроме того, даже если этот случай имел место в действительности, он был явно единичным и никак не мог отразиться в повстанческих документах.

⁸⁵ Почему тогда слух передали терчанам и гребенским казакам? Вполне возможно, что это была инициатива самих посланцев. Но более убедительным кажется следующее соображение. В Астрахани не могли не понимать, насколько подобный слух может подстегнуть терчан к бунту. Если даже впоследствии могло выясниться, что государь жив, то всё равно терчанам было бы трудно выйти из игры. В отличие от донских казаков, терчане в экономическом отношении полностью зависели от Астрахани. Неслучайно астраханские посланцы угрожали в случае, если терчане к ним не присоединятся, не отпускать им хлеба и «поморить их голодной смертью» (СД. – С. 349). Именно зависимость от Астрахани не позволяла терскому старшине В. Авдееву и атаману гребенских казаков К. Федорову, враждебно относившимся к повстанцам, разорвать отношения с бунтующей Астраханью (см.: СД. – С. 183–187, 188–193 и др.).

⁸⁶ СД. – С. 260.

⁸⁷ Там же. – С. 60.

⁸⁸ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 1149. – Л. 1–2.

⁸⁹ СД. – С. 34–35.

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – С. 222.

⁹¹ СД. – С. 47, 49, 57–58, 73–74, 75–76, 89–90, 134–135, 211, 320.

⁹² Там же. – С. 348.

В январе 1706 г. астраханцы отправили своих посланцев к Петру I с повинными челобитными. В свою очередь, царь, не теряя надежды завершить дело миром, послал в Астрахань правительственные войска. Именно приближение войск во главе с Б.П. Шереметевым породило ропот среди восставших. Это происходило в конце февраля – начале марта 1706 г.

Так, солдат Яхтинского полка М. Железо на допросе признался, что «в приход к Астрахани фельдмаршала, говорил, то де дело малое, что фельдмаршала убить. Есть ли б де и В. государь был и они бы и ему, государю, череп сшибли»⁹³.

Правда, от кого узнали о словах солдата в Преображенском приказе и как реагировали на эти слова его слушатели, нам неизвестно. По крайней мере, в выписке для «Истории Свейской войны», в которой помещены показания М. Железо, ничего об этом не говорится.

Другим свидетельством антипетровских настроений в рядах восставших во время приближения к Астрахани правительственных войск являются показания посадского человека Д. Бородулина, посланного Шереметевым в Астрахань «для проводывания у бунтовщиков воровского их намерения с уговорным письмом»⁹⁴. Этот сохранившийся среди бумаг Преображенского приказа документ рисует картину чуть ли ни всеобщего недовольства Петром. Так, глава астраханского правительства Я. Носов говорил Бородулину: «Здесь де стали за правду и за христианскую веру, коли де нибудь нам всем умереть будет, да не вся бы и не всякому так, как ныне нареченной царь, который называетца царем, а христианскую веру порудил. Он де уже умер душою и телом, не всякому бы де так умереть»⁹⁵. Согласно этому же документу, стрелец И. Луковников в ответ на произнесенный Д. Бородулиным заздравный тост в честь Петра, «говорил про государя всем вслух: какой он, государь, благочестивый, он неочисливый, полатынил всю нашу христианскую веру, и, говоря, припердывал языком». Глава астраханского правительства Я. Носов также отказался пить за «православных христиан ругателя»⁹⁶. В то же самое время другие повстанцы кричали «великим криком» различные оскорбления в адрес Петра⁹⁷.

Насколько можно доверять показаниям Д. Бородулина? Разумеется, на допросах обвинённые им повстанцы всё отрицали⁹⁸. Но вряд ли их слова стоит принимать на веру.

Н.Б. Голикова предполагает, что, будучи правительственным агентом, Бородулин мог сгустить краски. Однако, по её мнению, в этих показаниях всё же есть доля правды. В качестве аргумента Н.Б. Голикова ссылается на показания гулящего человека А. Александрова, чьи слова, по мнению исследовательницы, подтверждают, что Я. Носов осуждал петровские нововведения⁹⁹.

Однако, на наш взгляд, ничего подобного заключить из этих показаний нельзя. Действительно, согласно Александрову, Я. Носов осуждал введение немецкого платья и бранобритие, но в этом Носов обвинял не Петра, а покойного воеводу Ржевского и астраханского митрополита Самсона. Руководитель астраханского правительства упрекал митрополита в том, что он не препятствовал Ржевскому в брано-

⁹³ Голикова Н.Б. Политические процессы... – Приложение 2. – С. 318.

⁹⁴ СД. – С. 364.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. – С. 365.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. – С. 365–366.

⁹⁹ Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. – С. 90.

бритии и введении немецкого платья: «Есть ли б де он, митрополит ему, Тимофею, в том воспретил, и того бы кровопролития не было»¹⁰⁰.

Если, как утверждал Бородулин, антипетровские разговоры были так распространены, то почему о них не сообщил, например, монах Г. Дашков, верный человек Шереметева, находившийся в Астрахани¹⁰¹, или другой посланец фельдмаршала В. Антонов¹⁰², учитывая, что они оба были настроены крайне негативно по отношению к астраханцам?

Дело в том, что если антипетровские толки и имели место в восставшем городе, то они были единичными и не отражали настроения большинства. В Астрахани были недовольны действиями Шереметева, но никак не государя. Об этом свидетельствуют показания перебежчиков из Астрахани – архимандрита Антония, подьячего И. Щегинина и посадского человека Ф. Клементьева. Эти показания были даны Шереметеву 9 марта 1706 г. По словам перебежчиков, повстанцы говорили: «...что де ему (Шереметеву. – *Е. Т.*) в Астрахани делать и для чего де с полками без указа великого государя идёт, у нас де посланы к великому государю челобитчики»¹⁰³.

Эти показания заслуживают доверия, поскольку у перебежчиков, настроенных враждебно к оставшимся в городе повстанцам, не было причин преуменьшать вину последних.

В связи со всем вышесказанным, становится понятно, почему такие же настроения были отражены и в повстанческих документах того времени. Так, например, в «договорном письме», документе, созданном восставшими 10 Марта 1706 г., повстанцы обещались не пустить в город войска Шереметева «...до указа великого государя, как наши челобитчики с Москвы с ево, великого государя, указом будут...»¹⁰⁴, такая же мысль проводилась и в письме астраханцев к Шереметеву¹⁰⁵.

Итак, подведём итоги. Астраханские бунтовщики, как и многие простолюдины в других частях России, весьма негативно реагировали на Петровские реформы. В их среде, как и прежде, вняты в своих бедах воевод и бояр, но в то же время Петровские нововведения настолько шокировали выходцев из простонародья, что они не решились объяснить их происками одних лишь «бояр». Именно поэтому по Астрахани поползли различные слухи о царе, в том числе и самый злоедающий из них о «подменном государе». Однако веками существовавшее в среде простонародья почтение к монарху не позволяло им быть уверенными в этих слухах. Именно поэтому ни слухи, ни «непристойные речи» о Петре I не могли войти в письменные документы повстанцев. Хотя в этих документах мы не найдем отражение разнообразных толков о царе, известных нам по расспросным речам повстанцев, в них отразился другой важный момент – непоколебимость веры в государя. Таким образом, следует согласиться, хотя и с некоторыми поправками, с теми учёными, которые утверждают, что восстание было направлено против бояр и иноземцев, но не против Петра.

В заключение хочется обратить внимание на ещё один важный момент. Разумеется, нельзя говорить, что отношение всех простолюдинов к царю и царской власти было таким же, как и у астраханцев. Однако это заставляет всё же более осторожно относиться к проблеме отношения простолюдинов к Петру в целом.

¹⁰⁰ СД. – С. 352.

¹⁰¹ СД. – С. 83.

¹⁰² Там же. – С. 90–91.

¹⁰³ Там же. – С. 94.

¹⁰⁴ Там же. – С. 139.

¹⁰⁵ Там же. – С. 87.